

- 1 -

**КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ
Женева**

**ДОКЛАД О ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИИ,
2003 ГОД**

ОБЗОР

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2003 год**

Примечание

- Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.
- Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем издании не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса страны, территории, города или района, или их властей, или относительно делимитации их границ.
- Материалы, содержащиеся в настоящем издании, можно свободно цитировать или перепечатывать, однако при этом необходимо делать соответствующую оговорку со ссылкой на номер документа. Экземпляр издания, содержащего цитируемый или перепечатываемый материал, следует направлять в секретариат ЮНКТАД.
- Содержащийся в настоящем документе обзор издается также в качестве части *Доклада о торговле и развитии за 2003 год* (UNCTAD/TDR/2003, в продаже под № R.03.II.D.7).

UNCTAD/TDR/2003 (Overview)

ОБЗОР

Главную тональность в экономике в два последних десятилетия задавало радикальное изменение в идеологии и практике развития. На волне кризиса задолженности и развития 80-х годов новый подход в политике стал направлен на освобождение предприятий от государственного вмешательства в пользу "невидимой руки" глобальных рыночных сил. Предполагалось, что это положит конец макроэкономическому хаосу, чередующимся циклам сдерживания и стимулирования развития, сводящим на нет все усилия уровням задолженности и возвестит начало эпохи устойчивого роста и сокращения масштабов нищеты. Падение Берлинской стены открыло для этого глобальные просторы.

Эти идеи были с особым энтузиазмом подхвачены в Латинской Америке, а успех плана Брейди открыл шлюзы для притока иностранного капитала в 90-х годах. "Зеленый свет", данный международными рынками капиталов, стимулировал ускорение реформ, привлечение иностранных инвестиций и превратил международную конкуренцию в двигатель нового форсированного роста. Но после проявления некоторых первоначальных симптомов успеха на поверхность вновь всплыли давно знакомые структурные проблемы. Большинство стран так и не смогли ускорить накопление капитала и технологический прогресс и обеспечить диверсификацию за счет развития динамичных секторов. Поскольку рост расходов опережал расширение производственных мощностей, а в импорте наступил бум, усиливавшаяся опора на внешний капитал сделала многие страны уязвимыми перед лицом фундаментальных внешних потрясений. Последние пять лет, когда глобальные экономические перекосы все чаще и чаще порождали такие потрясения, оказались для Латинской Америки "потерянным пятилетием", напоминающим печальные события 80-х годов.

Очевидное сходство этой ситуации с более широким историческим опытом, вероятно, удерживало от рекламирования

оригинальных идей новой повестки дня в области развития или от нагнетания чрезмерных ожиданий. В 20-х годах сбалансированные бюджеты, независимые центральные банки, гибкие рынки труда и быстрое развитие международной конкуренции также сулили возвращение к нормальному состоянию дел. Но вместо этого по мере нарастания нерегулируемых финансовых потоков во всей глобальной экономике на периферии Европы и в отдельных регионах развивающегося мира пошли чередой циклы бумов и спадов, породившие нестабильность поступлений от экспорта сырьевых товаров и растущие уровни задолженности.

Как было подмечено испанским философом Джорджем (Хорхе) Сантаяной, перед лицом неудач фанатизм требует удвоения усилий. Невзирая на целый пантеон критически настроенных и творческих умов, экономической теории также не чужды подобные мысли. И действительно, со снижением темпов инфляции и расширением царствования рыночных сил все чаще стали раздаваться призывы к развивающимся странам усилить бюджетную дисциплину, активизировать деятельность по дерегулированию и еще более ускорить либерализацию, несмотря на то что перспективы роста во многих странах ухудшились, а масштабы нищеты возросли.

В 20-х годах, когда "колесница рыночных сил" всюду неслась по планете, Джон Мейнард Кейнс призвал взять на вооружение "новую мудрость для новой эпохи", предусмотрев "новую политику и новые инструменты, адаптирующие и контролирующее функционирование экономических сил, с тем чтобы они не оказывали своего несносного влияния на современные идеи по поводу того, что подходит и отвечает интересам социальной стабильности и социальной справедливости". Сегодня назрела насущная необходимость в непредвзятых, терпимых и прагматических подходах к реализации целей развития, соотносящихся с реалиями современного все более взаимозависимого мира, с тем чтобы можно было вновь поставить экономическую политику на службу социальной справедливости и стабильности.

Глобальные тенденции и перспективы

Для глобальной экономики настали тревожные времена. Столь долго ожидавшееся оживление в Соединенных Штатах по-прежнему задерживается, и высказывается обеспокоенность по поводу того, что перекосы и эксцессы, порожденные бумом высоких технологий в 90-х годах, могут привести к длительному периоду неустойчивого и вялого роста с периодическими всплесками и спадами, которые будут сопровождаться дефляцией цен. В условиях, когда Европа не определилась в выборе соответствующего арсенала средств политики для достижения устойчивого оживления, а Япония не в состоянии найти такой комплекс мер, мировая экономика, как представляется, готова повторить опыт двух последних лет с их вялой динамикой и даже может дать серьезный сбой.

Негативные последствия этого для развивающихся стран, даже имеющих самую высокую степень сопротивляемости, неизбежны. Более благоприятные политические условия должны помочь избежать рецидива прошлогодней рецессии в Латинской Америке, но любое оживление будет слабым и вялым. Африка, как представляется, относительно изолирована от глобальных тенденций, но сохранение низкого уровня цен на многие сырьевые товары означает, что ей, возможно, не удастся повторить успехи прошлых двух лет. С учетом нынешнего уровня сотрудничества в целях развития и структурных слабостей этого региона сегодня ширится консенсус в вопросе о том, что достичь целей развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, будет невозможно даже при самом оптимистическом сценарии роста в мировой экономике. Азии до последнего времени удавалось удерживать набранные темпы благодаря внутреннему спросу, экспорту в Соединенные Штаты и динамично развивающейся внутрирегиональной торговле, но рост в этом регионе наверняка замедлится.

До нынешнего спада в мировой экономике в конце 90-х годов был широко распространен отнюдь не уместный оптимизм по

поводу характера и устойчивости подъема в Соединенных Штатах в качестве самой важной движущей силы глобального роста. Это было отмечено в *ДТР 2000* - в тот момент, когда мировая экономика все еще развивалась на полных оборотах, и многие наблюдатели думали, что экономика Соединенных Штатов избежала неумолимого перелома в деловом цикле:

Большинство прогнозов продолжения глобального роста имеют в своей основе сказочно идеальный сценарий, в котором экономика Соединенных Штатов будет не слишком "горячей" и не слишком "холодной", обеспечивая возможности для экономического роста в Европе и Японии и поддержку устойчивого подъема в Латинской Америке и Азии. Однако, анализируя такие прогнозы ускорения глобального роста, не следует забывать, что подобные идеальные ситуации встречаются лишь в сказках.

И действительно, те факторы, которые помогли экономике Соединенных Штатов вырваться вперед, одновременно с этим усилили хрупкость финансовой системы и глобальные перекосы. В этой связи (и как это прогнозировалось в *ДТР 2001*, в самом начале нынешнего спада) сохранить наследие 90-х годов оказывается намного труднее, чем многие ожидали.

По-прежнему весьма велики надежды на то, что короткий кейнсианский спад в Соединенных Штатах удастся преодолеть с помощью соответствующих кредитно-денежных и финансово-бюджетных мер... Но даже если проводившийся в последние годы последовательный курс в политике сохранится, есть сомнения в том, что традиционная макроэкономическая политика приведет к успеху, если учесть высокий уровень задолженности в частном секторе, переизбыток инвестиций в период технологического бума и неопределенность в отношении курса доллара... Рекордный по продолжительности за последнее время период подъема вынуждает с осторожностью подходить к оценке происходящего ныне замедления темпов роста. Однако в

целом множество разнонаправленных факторов указывают на неопределенное будущее.

Таким образом, несмотря на решительные шаги Федеральной резервной системы по снижению процентных ставок, активность в инвестиционной сфере так и не возросла, а показатели загрузки производственных мощностей остаются низкими, невзирая на снятие с эксплуатации избыточного оборудования. До сих пор экономике удавалось избегать более продолжительного периода рецессии благодаря продолжавшемуся росту потребительских расходов, который теперь, как представляется, теряет обороты. Способность Европы к энергичному преодолению нынешнего спада по-прежнему подрывается ограничениями в отношении финансово-бюджетной политики, установленными в Пакте о стабильности и росте, и курсом Европейского центрального банка в денежно-кредитной политике. Япония, как представляется, отказалась от борьбы с дефляцией макроэкономическими средствами, сделав вместо этого упор на международной конкурентоспособности и экспорте в качестве основы роста. Таким образом, хотя темпы роста упали повсеместно, асимметрии в уровне спроса между ведущими промышленно развитыми странами сохранились и экономика Соединенных Штатов по-прежнему опережает экономику Японии и Европейского союза.

В отсутствие активных мер реагирования на вялый и неравномерный рост усиливается опора на корректировки валютных курсов в целях уменьшения дефицитов торговых балансов и оживления роста. Сочетание таких факторов, как снизившаяся привлекательность активов Соединенных Штатов для иностранных инвесторов и продолжающийся неуклонный рост их дефицита по счету текущих операций, создало понижающее давление на доллар. Однако до сих пор это проявлялось главным образом в быстром обесценении доллара по отношению к евро и в частичном обращении вспять прежних девальвационных тенденций в Латинской Америке: восточноазиатские страны, включая Японию, сопротивлялись повышению курса своих валют,

проводя интервенции на валютных рынках и накапливая крупные резервы.

Поскольку основная часть дефицита торгового баланса Соединенных Штатов приходится на Восточную Азию, не совсем ясно, как последние изменения валютных курсов скажутся на торговых балансах между Азией и остальными странами мира: уменьшат или усилят их разбалансированность. И действительно, события последних месяцев воскрешают в памяти конкурентные девальвации, проводившиеся в период между двумя мировыми войнами. Разумеется, в условиях низких темпов роста и увеличения безработицы было бы нереалистично ожидать развития международной торговой системы в правильном направлении или сохранения стабильности международной денежно-кредитной системы. Возврат к модели безудержной конкуренции и конфликтов, характерной для 30-х годов, способен напрямую пустить этот процесс под откос.

Разные развивающиеся страны по-разному готовы реагировать на эти все более нестабильные условия. Низкий уровень глобального спроса на протяжении двух последних лет оказал лишь ограниченное воздействие на Восточную Азию, несмотря на ее зависимость от экспорта, главным образом благодаря тому, что сильные макроэкономические позиции и хорошее состояние платежных балансов стран региона обеспечили им значительное пространство для расширения внутреннего спроса в поддержку экономического роста, который к тому же подкреплялся активными внутрирегиональными торговыми связями.

Такое пространство для маневра в политике было недоступным для большинства стран Латинской Америки, сталкивавшихся с проблемами в платежной сфере. В этих странах глобальный спад усугубил внешние финансовые трудности, и макроэкономическая политика была сфокусирована на уменьшении дефицитов по счету текущих операций и на восстановлении доверия финансовых рынков. Если азиатские страны накопили

значительные активные сальдо по счету текущих операций благодаря быстрому расширению экспорта, то в Латинской Америке ситуация в 2002 году напоминала условия, превалировавшие в ходе долгового кризиса 80-х годов. После 2001 года, когда этот регион был крупнейшим получателем частного капитала, в 2002 году он не обеспечивал практически никакого чистого притока этих средств и был вынужден сочетать снижение объемов производства с положительным сальдо торгового баланса и чистыми трансфертами за рубеж, целиком и полностью в результате сокращения импорта.

Если для Восточной Азии и, в несколько меньшей степени, Африки перспективы зависят от эволюции их внешнеторговых условий, то для Латинской Америки не менее важны финансовые условия. В последние месяцы исключительно высокие показатели доходности ценных бумаг и улучшившиеся политические условия в некоторых странах этого региона в сочетании с резким падением доходности акций и облигаций в промышленно развитых странах привлекали в них краткосрочный спекулятивный капитал, приводя к повышению курсов валют в тот момент, когда глобальные перспективы ухудшаются, а приток долгосрочного капитала в регион уменьшается. Мало вероятно, что такой приток краткосрочного капитала знаменует собой начало очередного циклического подъема в общем притоке частного капитала в регион, как это происходило в 70-х годах после длительного периода стагнации или в 90-х годах после долгового кризиса. Эти послевоенные всплески в притоке частного капитала в Латинскую Америку были скорее отклонениями от нормы и были обусловлены не классическими циклическими факторами, а особыми мерами реагирования на специфические глобальные условия. Первый из указанных эпизодов стал возможным в результате демонтажа бреттон-вудской системы и сопровождавшего его финансового дерегулирования в промышленно развитых странах, а также рециркуляции нефтедолларов. Во втором случае план Брейди, направленный на освобождение банков Соединенных Штатов от бездействующих кредитов, создал почву для резкого увеличения портфельных и инвестиционных потоков, которые еще более форсировались прогрессивной либерализацией и приватизацией в

регионе. Сегодня же нет никаких гарантий возобновления резкого роста притока капитала, во всяком случае до пиковых уровней, достигнутых в 90-х годах.

Надежды возлагаются также на успешное проведение дохинского раунда торговых переговоров, которые могли бы укрепить уверенность и сообщить импульс глобальной экономике, поставив фактор развития торговли впереди фактора роста. Конечно же, с конца 80-х годов международная торговля переживала мощный подъем, значительно опережая по своим темпам роста расширение производства вплоть до начала нового тысячелетия, когда она не только отстала от роста мирового производства по темпам развития, но и сократилась в абсолютном выражении. Хотя ожидается, что в 2003 году в торговле наступит оживление, в данном случае вновь возникает опасность чересчур оптимистических экстраполяций. Рост мировой торговли в 90-х годах был обусловлен рядом структурных и институциональных изменений, повторения которых, по крайней мере с той же интенсивностью, ожидать не приходится. Эти изменения включали в себя быструю либерализацию импортных режимов в развивающихся странах; расширение сетей международного производства некоторых из наиболее динамичных товаров в мировой торговле, которое привело к стремительному развитию внутриотраслевой торговли со значительным компонентом Север-Юг, а также с маятниковым перемещением и двойным учетом товаров в статистике мировой торговли; и резкое увеличение притока капитала, которое помогло форсировать торговлю благодаря опережающему росту импорта по сравнению с экспортом во многих развивающихся странах. Хотя аналогичные силы все же могут вызвать самостоятельное оживление в торговле, они вряд ли породят подъем, подобный прежнему, хотя бы потому, что им не будет недоставать того же первичного импульса. В нынешних условиях быстрое расширение торговли и дальнейшая ее либерализация будут в решающей степени зависеть от быстрого восстановления спроса и производства в мировой экономике, а не наоборот.

В настоящее время мировая экономика сталкивается с усиливающейся дефляционной проблемой, порожденной исключительно низким глобальным спросом. И глобальные рынки труда, и глобальные рынки товаров перенасыщены: слишком много товаров охотятся за единицами покупателей и слишком много работников охотятся за дефицитными рабочими местами. Интенсивная конкуренция между ведущими экспортерами на уровне цен и обменных курсов усиливает нестабильность и дефляционное давление, а многие развивающиеся страны, испытывающие трудности в платежной сфере, вынуждены урезать импорт. Эти трудности аналогичны тем проблемам, для решения которых и были созданы бреттон-вудские учреждения. Если для восстановления стабильности на финансовых и валютных рынках, форсирования глобального экономического подъема и обращения вспять тенденции быстрого роста безработицы не будет принято решительных мер, то возникнет реальная угроза того, что разбалансированность торговли и сочетание дальнейшего быстрого роста в одних частях мира со стагнацией, спадом и сокращением рабочих мест в других могут усилить уже существующее недовольство глобализацией в широких кругах населения мира, спровоцировав политический откат и утрату веры в рынки и открытость, и приведут к международной экономической дезинтеграции, которая непомерным бременем ляжет на плечи бедных и ущемленных. Это, пожалуй, первый реальный экзамен для экономической политики в постбреттон-вудском глобализованном мире.

Диктуемые ортодоксальными концепциями в финансово-бюджетной и кредитно-денежной политике меры, которые до последнего времени принимались в некоторых ведущих странах, так и не смогли обеспечить более оптимального баланса, невзирая на ослабление инфляционного давления и очередной виток роста безработицы. Действительно, в условиях уже происходящего снижения цен в некоторых крупных развитых и развивающихся странах риск возникновения дефляционной спирали вызывает все большее беспокойство у людей, вырабатывающих политику в других странах. И хотя вероятность раскручивания такой спирали

все еще является спорной, тем не менее ясно, что сегодня возникает реальная опасность "ловушки ликвидности", при которой кредитно-денежная политика становится не способной сдерживать и обращать вспять падение производства и занятости. Сложился именно тот контекст, в котором уместнее всего принять на вооружение кейнсианскую политику в целях наращивания ликвидности и эффективного спроса как на национальном, так и на глобальном уровнях. Действенная политика должна предусматривать фискальные стимулы сверх тех, которые способны обеспечить автоматические стабилизаторы: все более взаимозависимые глобальные финансовая и торговая системы вряд ли могут функционировать эффективно при наличии лишь одного рычага - кредитно-денежной политики, особенно без соответствующей координации и согласия в отношении целей. Политика должна быть направлена также на удовлетворение потребностей в ликвидности и на преодоление долгового бремени развивающихся стран, оказавшихся в жестких внешних финансовых условиях. Таким образом, перспективы процветания для всех стран зависят от международного сотрудничества, а также от интенсивности их собственных усилий.

Накопление капитала, экономический рост и структурные изменения

Увеличившийся разброс экономических показателей развивающихся стран в условиях нынешнего глобального спада отражает различия в их внутренних условиях. В этом отношении особенно поразительным является контраст между Восточной Азией и Латинской Америкой. Вялая динамика в экономике большинства латиноамериканских стран со средними уровнями доходов по сравнению с Восточной Азией свидетельствует о том, что их производственные структуры, институты и политика не обладают гибкостью и сопротивляемостью, необходимыми для реагирования на внешние потрясения с такой же энергичностью и эффективностью, как в Восточной Азии. В этом плане сегодняшний экономический ландшафт в развивающемся мире поразительно напоминает условия, преваляровавшие в начале 80-х

годов, когда внешние потрясения, включая почти повсеместную рецессию в промышленно развитом мире и жесткие финансовые условия, столкнули Латинскую Америку в пучину глубокого кризиса, в то время как большинство восточноазиатских стран смогли быстро адаптироваться и продолжить - после небольшой паузы - свое движение по траектории динамичного роста.

Но, пожалуй, еще большую тревогу вызывает то, что нынешние трудности в Латинской Америке возникли после многолетних интенсивных рыночных реформ, проводившихся в связи с долговым кризисом 80-х годов при поддержке международных финансовых учреждений. Эти реформы, которые во всей их совокупности именовали "Вашингтонским консенсусом", были призваны устранить структурные и институциональные препятствия на пути роста, модернизировать производственный потенциал, повысить эффективность торговли и положить конец дискретности процесса развития, которая была связана с чрезмерной задолженностью и периодическими кризисами в сфере платежных балансов. Как показано в части II Доклада за этот год, при всех претензиях на успех в борьбе с инфляцией и в деле обеспечения кредитно-денежной и финансово-бюджетной дисциплины эти реформы потерпели провал именно в тех областях, в которых не оправдала себя проводившаяся прежде политика замещения импорта. И, что примечательно, проблема в одинаковой мере заключается как том, что было включено в пакет реформ, так и в том, что было оставлено в стороне.

Инвестиции и рост: история взаимосвязей

В период с 1960 по 1973 год страны Латинской Америки и Восточной Азии росли практически одинаковыми темпами, а средние доходы на душу населения в 1973 году в четырех НИС первого поколения были ниже, чем в пяти крупнейших странах Латинской Америки, на 850 долларов. Впоследствии траектории роста начали резко расходиться: в период с 1974 по 2000 год темпы роста в Восточной Азии более чем вдвое опережали средние темпы роста в Латинской Америке. Кроме того, замедление роста

в Латинской Америке сопровождалось усилением нестабильности: в период 1980-2000 годов темпы роста в большинстве стран региона были ниже и менее стабильны, чем в предыдущие два десятилетия. Лишь в Чили отмечались более высокие и устойчивые темпы роста в условиях повышения уровня стабильности.

В связи с вопросом о том, почему же темпы роста так варьируются между странами и регионами, было выдвинуто великое множество объяснений. И тем не менее, по общему мнению, невозможно обеспечить устойчивый рост без надлежащих объемов капиталовложений. Вне всякого сомнения, как уже указывалось в прошлых выпусках *ДТР*, одной из определяющих черт эпизодов успешного развития в послевоенный период являлась высокая и стабильная инвестиционная активность национальных элит, которым нередко приходилось начинать свою деятельность на этом поприще с очень низких уровней. Минимальный уровень, необходимый для обеспечения успеха в деле экономического роста, определяется под влиянием специфических для каждой страны факторов, однако в сравнительно бедных странах в качестве порогового уровня требуется как минимум 20-процентная доля вложений в основной капитал от ВВП, которая по мере продвижения стран вверх по лестнице уровней доходов должна увеличиваться до 25%.

В первой половине 80-х годов практически во всех развивающихся странах было отмечено падение доли инвестиций, нередко ниже этих пороговых уровней, а в некоторых случаях даже ниже уровней, необходимых для замещения обесценивавшегося капитала. Ожидалось, что радикальные изменения, внесенные в политику в условиях долгового кризиса в целях восстановления макроэкономической стабильности, выправления ценовых диспропорций и высвобождения рыночных сил, улучшат инвестиционный климат и подготовят почву для экономического оживления, прежде всего благодаря активности частных инвесторов. Однако стратегии, принятые на вооружение с целью привести в действие динамичный процесс накопления капитала и

экономического роста на основе, с одной стороны, увеличения ПИИ, а с другой - уменьшения государственных инвестиций и масштабов государственного вмешательства, не принесли ожидаемых результатов.

В Латинской Америке, которая пошла при осуществлении таких реформ дальше других регионов, было отмечено устойчивое и неуклонное падение доли государственных инвестиций при увеличении ПИИ, зачастую в результате продаж государственных активов. Со второй половины 80-х годов общая инвестиционная активность повысилась лишь незначительно, и то нередко за счет таких непроизводственных секторов, как жилищное строительство, и в 90-х годах общая доля инвестиций в ВВП достигла примерно 20-процентной планки, т.е. оказалась гораздо ниже предыдущих пиков. Во многих случаях капиталовложения в машины и оборудование в 80-х годах переживали стагнацию или даже резко сокращались, прежде чем продемонстрировать некоторое оживление в 90-х годах. Этот сдвиг в структуре инвестиций в пользу менее производительных видов деятельности, как представляется, способствовал ослаблению связи между капиталообразованием, технологической модернизацией и ростом производства. Кроме того, условия, привлекавшие иностранные предприятия в Латинскую Америку, отнюдь не благоприятствовали ускорению накопления капитала: доля ПИИ в ВВП в 90-х годах была примерно на 1,7 процентных пункта выше, чем в 80-х, однако доля валовых вложений в основной капитал была на 0,6 процентных пункта ниже. Эта тенденция была характерной для всех основных стран региона, за исключением Чили, и она столь же очевидна в случае сопоставления с частными внутренними инвестициями.

В восточноазиатских странах установился совершенно иной инвестиционный режим. Увеличение доли инвестиций ВВП на протяжении 70-х годов было лишь ненадолго прервано потрясениями, пережитыми в начале 80-х годов, а во второй половине этого десятилетия здесь наметилось мощное оживление благодаря тому, что проведение умеренных девальваций валют и

установление временных ограничений на рост заработной платы позволили этим странам обеспечить динамичную взаимосвязь между инвестициями и экспортом, и уже во второй половине 90-х годов здесь было отмечено резкое ускорение роста инвестиций. В ряде стран общерегиональный пиковый уровень в размере 30% от ВВП был превышен, причем в некоторых случаях довольно значительно. Важными особенностями тенденций в инвестиционной сфере в Восточной Азии являлись значительные капиталовложения в машины и оборудование, а также расширение строительства объектов физической инфраструктуры. Это улучшение общего инвестиционного климата в большинстве случаев было связано со стабильными или даже растущими долями государственных капиталовложений, обеспечивавшими значительный эффект привлечения частных инвесторов. В некоторых странах, таких, как Малайзия, всплеск инвестиционной активности был тесно связан с увеличением ПИИ, но для региона в целом это не было характерной особенностью.

Значение имеет не только уровень или состав инвестиций. Сопоставление инвестиционных циклов за последние четыре десятилетия свидетельствует о том, что в Латинской Америке этот цикл является намного более неустойчивым, чем в Восточной Азии. Кроме того, в рамках типичного цикла в фазе оживления во втором из указанных регионов инвестиции сыграли гораздо более активную роль, чем в первом. Таким образом, в Латинской Америке в пределах типичного цикла оживление инвестиционной активности было гораздо более скоротечным, а наступивший спад - гораздо более глубоким. Это означает, что контрциклическая политика приобретает в Латинской Америке дополнительную значимость, но ее возможности ограничены ввиду большей хрупкости финансово-бюджетной и кредитно-денежной системы.

Индустриализация, деиндустриализация

Исторический опыт развитых стран свидетельствует о том, что ключом к успешному развитию является создание широкой и прочной внутренней промышленной базы с ее потенциалом в деле

обеспечения высоких темпов роста производительности труда и доходов. Этот процесс связан с высокой инвестиционной активностью в промышленности, быстрым повышением производительности и увеличением доли этого сектора в совокупном производстве и занятости. По мере достижения стадии зрелости в экономике рост спроса на продукцию обрабатывающей промышленности замедляется в сопоставлении с ростом производительности труда, а доля этого сектора в экономике выравнивается и в конечном счете начинает снижаться. В современных развитых странах такая "деиндустриализация" происходила на очень высоких уровнях промышленной производительности и доходов и в условиях относительно быстрых общих темпов экономического роста, сопровождавшегося неуклонным увеличением доли секторов услуг, многие из которых прямо ориентировались на удовлетворение потребностей промышленности.

Индустриализация все еще важна для развивающихся стран, находящихся на более низких ступенях лестницы уровней доходов. Наличие эффекта масштаба, выигрыша от специализации и освоения нового, а также благоприятных рыночных условий подразумевает, что формирование ведущих промышленных секторов наряду с соответствующим технологическим и социальным потенциалом остается одной из ключевых задач политики. Тем не менее существуют значительные возможности для выбора сроков и темпов промышленного развития разных стран, которые отражают различия в обеспеченности ресурсами, размерах экономики и географическом положении. На это широкое разнообразие, в том числе темпов и моделей накопления капитала и развития торговли, серьезно влияет также выбор средств политики.

Для большей части развивающегося мира в 60-х и 70-х годах был характерен устойчивый рост долей промышленного производства и занятости в промышленности. В некоторых регионах, прежде всего в Латинской Америке, это увеличение было выражено особенно рельефно благодаря высокой активности

промышленности, обусловленной реализацией импортозамещающей стратегии индустриализации; и действительно, за возможным исключением Китая, страны Южного Конуса составляли на момент долгового кризиса наиболее индустриализованную часть развивающегося мира, если судить по доле промышленности в совокупной занятости. Эта модель с тех пор стала значительно менее единообразной: в некоторых частях развивающегося мира характерной особенностью стала преждевременная деиндустриализация в условиях медленного роста.

Восточноазиатские страны продолжали быстрыми темпами проводить индустриализацию, и НИС первой волны достигли уровней производительности, сопоставимых с промышленно зрелыми странами, по мере того как новое поколение стран, с запозданием начавших индустриализацию, в регионе быстро расширялось, обеспечивая сочетание таких факторов, как рост инвестиций и рост добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности как в абсолютном выражении, так и в качестве доли от ВВП. Напротив, промышленная стагнация и спад стали нормой в Латинской Америке, а также в Африке, где в большинстве стран снижение доли инвестиций в ВВП сопровождалось падением доли добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в условиях медленного и нестабильного роста. Из 26 стран, включенных в выборку, изучаемую в *Докладе* за этот год, успехов в наращивании доли добавленной стоимости, создаваемой в обрабатывающей промышленности, в ВВП в период с 80-х до 90-х годов вместе с наращиванием доли инвестиций в ВВП удалось добиться лишь 8. В Восточной Азии - это прежде всего НИС второго поколения. Республика Корея и Китайская провинция Тайвань достигли более зрелых стадий индустриализации, на которых увеличение нормы инвестирования сочетается с относительно стабильными долями обрабатывающей промышленности в ВВП. В Латинской Америке ни в одной из ведущих стран в конце 90-х годов доля стоимости, добавленной в обрабатывающей промышленности, в совокупном производстве не была выше, чем в 70-х годах.

Порой этот процесс деиндустриализации толкуется как здоровая переориентация на модель развития, в большей степени соответствующую с обеспеченностью стран ресурсами и их сравнительными преимуществами, после периода "чрезмерной" и "расточительной" индустриализации в рамках импортозамещающих стратегий. Возможно, такое толкование и является верным в случае Китая, где снижение доли промышленности в экономике с середины 80-х годов сопровождалось значительным ускорением инвестиционных процессов и экономического роста. Но этого нельзя сказать об основных латиноамериканских странах, за исключением Чили. В последнем случае индустриализация также далеко не достигает уровней, на которые вышли в свое время такие сопоставимые с ними по обеспеченности ресурсами страны, как скандинавские страны, когда те находились на сравнимых уровнях доходов.

В случае успешных эпизодов индустриализации увеличение долей капиталовложений и стоимости, добавленной в обрабатывающей промышленности, в ВВП сопровождалось также наращиванием доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности как в совокупном экспорте, так и в ВВП. В странах, добившихся расширения своего участия в международных сетях производства такой продукции обрабатывающей промышленности, как электронные товары, автомобили, а также текстильные изделия и одежда, экспорт продукции обрабатывающей промышленности рос намного быстрее, чем добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности в силу значительной импортной составляющей такого экспорта. В качестве примера можно привести Малайзию. В то же время в Китае снижение доли стоимости, добавленной в обрабатывающей промышленности, в ВВП было незначительным, а увеличение экспорта продукции обрабатывающей промышленности в условиях быстрого роста капиталовложений и ВВП оказалось крупным.

В странах, отстающих в процессе индустриализации, падение долей инвестиций и промышленной добавленной стоимости в ВВП

обычно совпадало со стагнацией или снижением доли продукции обрабатывающей промышленности в совокупном экспорте. Именно так дело обстоит в большинстве латиноамериканских стран. Вместе с тем в Мексике, так же как и в Китае, доля промышленного экспорта в ВВП в 90-е годы выросла по сравнению с 80-ми годами в результате расширения ее участия в сетях международного производства, тогда как доля промышленной добавленной стоимости в ВВП снизилась. Вместе с тем, в отличие от Китая, рост ВВП в Мексике был медленным: среднегодовые темпы роста на душу населения лишь не намного превышали средние показатели по Латинской Америке. И действительно, более детальное изучение структуры промышленности в Мексике показывает, что в некоторых секторах, таких, как швейная промышленность, экспорт рос быстрыми темпами, в то время как внутренняя добавленная стоимость падала; напротив, в некоторых других секторах, не интегрированных в сети международного производства, рост добавленной стоимости был значительным, но показатели динамики экспорта были ниже средних. Таким образом, невзирая на многолетние экономические реформы, преференциальный доступ на крупнейший и наиболее динамично развивающийся рынок в промышленно развитом мире, а также на значительный приток иностранных инвестиций, мексиканская экономика так и не смогла наладить динамичный процесс индустриализации и экономического роста.

Торговля и конкурентоспособность

В последние годы международная конкурентоспособность обеспечивала именно ту основу, благодаря которой удалось понять характер взаимосвязей между промышленностью, торговлей и развитием. Однако при применении этой концепции в преломлении к экономическим задачам, стоящим перед развивающимися странами, необходима определенная доля осторожности. Во-первых, строго говоря, эта концепция может быть полезной для определения позиций отдельных предприятий по отношению друг к другу, но не для проведения сопоставлений между странами в целом или даже между отраслями, состоящими

из множества фирм с различными характеристиками. Многие страны, имеющие высококонкурентоспособные фирмы в определенных отраслях, считают необходимым защищать другие отрасли от иностранной конкуренции, и так происходит практически на всех уровнях индустриализации и развития. Кроме того, с точки зрения корпораций зачастую практически не имеет значения, за счет чего повышается международная конкурентоспособность: за счет роста производительности, урезания заработной платы или девальвации валюты, однако с более широкой социально-экономической точки зрения эти средства имеют абсолютно разные последствия для экономической и социальной стабильности и благополучия. И наконец, конкурентоспособность - это относительное понятие, к тому же сопряженное с проблемой "суммирования"; все страны не могут одновременно повысить конкурентоспособность своих фирм в данной конкретной отрасли. С другой стороны, успех сразу нескольких развивающихся стран в деле одновременного повышения производительности и уровня зарплаты может улучшить их общее экономическое благополучие без изменения относительных конкурентных позиций в соответствующих секторах.

Реальная проблема для развивающихся стран с этой точки зрения заключается в том, как обеспечить сочетание мощного роста производительности труда с повышением уровня занятости, ростом реальной заработной платы, не опережающим рост производительности и отодвигающим границы действия внешних ограничителей, а также с таким номинальным обменным курсом, который позволяет поддерживать паритет покупательной способности. Эта проблема с разным успехом решалась в разных частях развивающегося мира за последние два десятилетия.

Структурные преобразования в Восточной Азии сопровождались значительным и неуклонным повышением производительности в широком круге промышленных секторов, в большинстве случаев с уменьшением отрыва от лидеров в технологической сфере. Большинство стран в этом регионе, но

особенно Республика Корея и Китайская провинция Тайвань, с неизменным успехом строили развитие своей торговли на мощном росте производительности труда. То обстоятельство, что это сочеталось с быстрым ростом заработной платы и относительно стабильными обменными курсами, ясно свидетельствует об их успешной интеграции в глобальную экономику. НИС второй волны и Китай повторили тот же самый путь, хотя и менее энергично; в частности, в секторах, организованных через сети международного производства, рост производительности труда и заработной платы был гораздо менее впечатляющим, чем рост экспорта.

За пределами Восточной Азии намного более распространенными путями продвижения к более высокой конкурентоспособности, как представляется, были снижение обменного курса или сдерживание роста заработной платы. Но ни одной из стран, выбравших этот путь, не удалось добиться устойчивого улучшения показателей экспорта и увеличения добавленной стоимости в той же мере, как и странам, добившимся успеха в повышении производительности труда и уровня заработной платы благодаря благотворному процессу накопления капитала и роста занятости.

В Латинской Америке в 90-х годах общая производительность в обрабатывающей промышленности снижалась или оставалась на одном уровне, а уровень заработной платы в большинстве стран упал. В некоторых случаях удавалось добиться повышения общей производительности труда в обрабатывающей промышленности, но не благодаря инвестициям и расширению занятости, а за счет увольнений. Даже в таких ведущих странах-экспортерах, как Мексика, рост производительности в обрабатывающей промышленности был незначительным, а заработная плата оставалась на одном уровне. Конкурентоспособность производителей во многих странах региона дополнительно подрывалась резкими повышениями курсов валют, особенно в Аргентине, Бразилии и Перу.

В большинстве стран Латинской Америки, где низкая инвестиционная активность сдерживала рост производительности и модернизацию производства, быстрое открытие экономики для международной конкуренции и ПИИ, как правило, приводило к переориентации структуры производства с секторов, обладавших наиболее высоким потенциалом для роста производительности труда, на сектора, добывающие или перерабатывающие природные ресурсы. Спрос на рабочую силу также упал в связи с повышением капиталоемкости в отраслях обрабатывающей промышленности, опирающихся на ресурсную базу. В ряде стран в таких традиционных трудоемких секторах, как текстильная и швейная промышленность, произошло особенно резкое падение производительности труда. Там, где инвестиции наращивались в рамках сетей международного производства, прослеживалась очевидная тенденция к увеличению технологической составляющей экспорта без аналогичного увеличения добавленной стоимости, создаваемой в самой стране. В наукоемких секторах отставание по уровню производительности от технологических лидеров значительно увеличилось. В то же время примечательно, что в некоторых отраслях, которые по-прежнему получали поддержку в рамках того или иного вида промышленной политики, произошло значительное повышение производительности труда и динамики торговли.

Данные о международной специализации указывают на то, что развивающиеся страны все больше приближаются к основным индустриальным державам по структуре своего экспорта, но отнюдь не по структуре своей добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности. Такая асимметрия наиболее рельефно проявляется в странах, участвующих в сетях международного производства, и при этом все же значительно в Латинской Америке, чем в Восточной Азии. Лишь НИС первой волны, и особенно Республике Корея и Китайской провинции Тайвань, удалось одновременно модернизировать свои структуры производства и экспорта, приблизив их к структурам ведущих промышленно развитых стран, за счет освоения производства сравнительно широкой номенклатуры средне- и

высокотехнологичной продукции. В большинстве стран Латинской Америки и Африки как в промышленном производстве, так и в экспорте по-прежнему доминируют товары, производимые на базе природных ресурсов.

В странах, тесно связанных с международными сетями, экспорт продукции обрабатывающей промышленности представляется гораздо более техноемким и динамичным, чем добавленная стоимость, создаваемая в отечественной обрабатывающей промышленности. Это расхождение между техноемкостью отечественной добавленной стоимости и техноемкостью экспорта обрабатывающей промышленности в основном является отражением значительной (техноемкой) импортной составляющей такого экспорта. Отечественная добавленная стоимость отражает вклад трудоемких операций, не требующих квалификации, в процесс производства товаров, которые являются преимущественно техно- или капиталоемкими. Таким образом, растущее сходство структур экспорта развивающихся и промышленно развитых стран по сути представляет собой иллюзию, обусловленную двойным учетом экспорта высокотехнологичной промежуточной продукции.

Стилизованная картина разнообразия путей промышленного развития

Приводимый в *Докладе* за этот год сравнительный анализ тенденций в накоплении капитала, экономическом росте и индустриализации с начала 80-х годов в Латинской Америке и Азии позволяет составить стилизованную картину, характеризующую соотношение позиций развивающихся стран.

- "*Зрелые индустриализаторы*". В эту группу входят НИС первой волны, особенно Республика Корея и Китайская провинция Тайвань, которые уже достигли уровня промышленной зрелости за счет быстрого накопления капитала, роста занятости, производительности и объема производства в

промышленности, а также экспорта промышленной продукции. Эти страны все еще имеют более высокую долю промышленного производства в ВВП, чем развитые страны, но рост промышленности у них начал замедляться.

- "*Быстрые индустриализаторы*". К этой категории относятся страны с растущей долей обрабатывающей промышленности в совокупном производстве, занятости и экспорте благодаря высокой инвестиционной активности и модернизации производства при переориентации с ресурсо- и трудоемких видов деятельности на производство среднетехнологичной продукции. В эту группу входят НИС второй волны и - в несколько меньшей степени - Китай, а также, возможно, Индия.
- "*Анклавные индустриализаторы*". В эту группу входят страны, которые также покончили с зависимостью от экспорта сырьевых товаров посредством подключения к сетям международного производства с сильной опорой на импорт промежуточных ресурсов и машин. Однако их общие показатели на уровне инвестиций, добавленной стоимости и роста производительности низки.
- "*Деиндустриализаторы*". В эту группу входят большинство стран Латинской Америки, которые достигли определенного уровня индустриализации, но не смогли обеспечить динамичный процесс структурных преобразований за счет быстрого накопления капитала и экономического роста. В условиях быстрой либерализации у них нередко снижались доли занятости и производства в обрабатывающей промышленности и происходила переориентация на менее техноемкие виды деятельности. В некоторых странах этой группы,

особенно в Чили, наблюдался менее разрушительный процесс деиндустриализации в силу быстрого увеличения инвестиций, ускорившего экономический рост на базе природных ресурсов, хотя этот процесс, как представляется, достиг своих пределов.

Страны в любой из этих групп могут также иметь некоторые из характеристик, указывающие на их принадлежность к другой группе. Например, Китай и Малайзия расширяют свой экспорт продукции обрабатывающей промышленности гораздо быстрее, чем увеличивают добавленную стоимость, участвуя в сетях международного производства, но в отличие от Мексики показатели увеличения капиталовложений и экономического роста в них являются впечатляющими. Существуют также пограничные случаи между "быстрыми индустриализаторами" и "деиндустриализаторами": Турция, например, ближе к первой группе, тогда как Колумбия ближе ко второй.

К вопросу о "Вашингтонском консенсусе": теория и практика

Последние два десятилетия Латинская Америка и Восточная Азия в процессе своего развития имели разные траектории движения. Примечательно, что все основные латиноамериканские страны находятся в группах стран, которым недостает динамизма в индустриализации, структурных преобразованиях и росте производительности труда, тогда как большинство ведущих восточноазиатских стран находятся на различных стадиях успешной индустриализации. За единичными исключениями, страны первого из указанных регионов оказались неспособными устранить структурные препятствия на пути быстрого и устойчивого накопления капитала и экономического роста.

Для понимания различий в этих траекториях, разумеется, требуется глубокое знание специфики местных условий и истории. Но определенное значение имеют также институциональные факторы и выбор направлений политики, особенно в тех случаях, когда, как это произошло в Латинской Америке, налицо отсутствие

преимущества ввиду стремительной смены стратегии развития с внутренней на внешнюю ориентацию.

Новая стратегия в Латинской Америке может претендовать на определенный успех. В регионе была поставлена под контроль инфляция и обеспечена в разумной степени кредитно-денежная и финансово-бюджетная дисциплина. Однако с точки зрения роста, занятости и сокращения масштабов нищеты результаты разочаровывают. Опыт показывает, что логика, лежащая в основе нового подхода в политике, себя не оправдывает, а именно, что импортозамещающую стратегию роста вполне можно заменить рыночной стратегией с внешней ориентацией просто путем ликвидации инфляции, сокращения государственного сектора и открытия рынков для внешней торговли и потоков капитала.

Эти вызывающие разочарование результаты объясняются пробелами в изначальной программе реформ, проколами в политике и неспособностью приступить к "реформам второго поколения", т.е. не действиями, а упущениями. Однако, поскольку были упущены из виду более традиционные макроэкономические фундаментальные параметры, такие, как совокупный спрос, реальные процентные ставки и реальные обменные курсы, сделанный выбор в политике и институциональной реформы, рассчитанные на устранение деформаций, обусловленных государственной политикой, сами по себе сузили долгосрочные перспективы роста. Новая ориентация в политике так и не сформировала соответствующие макроэкономические условия для того, чтобы инвесторы и фирмы стимулировали и поддерживали создание, расширение и модернизацию производственных мощностей при одновременном высвобождении сил глобальной конкуренции. Иными словами, реформы в политике не принесли успеха, поскольку "созидательный" элемент шумпетеровского процесса "созидательного разрушения" не смог обеспечить реальную трансформацию структуры производства за счет наращивания инвестиций и технологического прогресса.

- Хотя политика стабилизации, основанная на обменных курсах, и привела к снижению инфляции благодаря опоре на

приток капитала, вызванные этим удорожание валют и резкие колебания обменных курсов вкупе с высокими процентными ставками, необходимыми для привлечения иностранного капитала, привели к тому, что условия в денежно-кредитной сфере в Латинской Америке в 90-х годах оказались слишком жесткими и нестабильными, чтобы обеспечить прочную основу для накопления капитала. Комбинированный индекс реального обменного курса и реальной централизованной процентной ставки указывает на гораздо более жесткие условия в кредитно-денежной сфере в Латинской Америке, чем в Восточной Азии, на протяжении 90-х годов, хотя в 60-х и 70-х годах эти условия в них были сходными.

- Либерализация торговых и финансовых режимов вместе с первоначальным резким всплеском спроса и экономического роста, вызванным быстрым падением темпов инфляции, вызвали ухудшение состояния балансов внешних расчетов, и задолженность вновь начала возрастать такими темпами, которые не позволяли странам ее обслуживать. Это, вкупе с увеличением притока ПИИ, означало, что платежи за факторные услуги становились все более крупным компонентом баланса по счету текущих операций, что в свою очередь порождало необходимость в значительной дефляции для корректировки состояния внешних расчетов. В целом приток ПИИ способствовал дестабилизации финансовой сферы, поскольку он увеличивал внешние обязательства, не обеспечивая при этом необходимых возможностей для их обслуживания.
- Состояние бюджетов также ухудшилось, поскольку процентный компонент государственных расходов возрос из-за размещения новых долговых инструментов под более высокие процентные ставки. Это сузило возможности для корректировки бюджетов без снижения внутренней экономической активности и налоговых доходов, но при этом привело к увеличению размеров дефицитов, которые требовалось финансировать.

- Либерализация режимов счетов операций с капиталом и потоки капитала вызвали серьезные сбои в работе механизмов корректировки бюджетов и платежных балансов. Чрезмерный приток капитала застопорил функционирование корректировочных механизмов, а чрезмерный отток привел к "дефляционному перебору".
- Непоследовательность макроэкономической, торговой, инвестиционной и финансовой политики не могла не сказаться на характере структурных преобразований. Усилия по налаживанию производств в технологически сложных секторах, направленные на то, чтобы сравняться с развитыми странами, были подорваны, но в то же время низкие показатели производительности труда в более трудоемких секторах привели к возрастанию конкуренции со стороны государств, в которых заработная плата была более низкой. Давление со стороны двух этих источников привело к деиндустриализации в Латинской Америке в условиях сброса рабочей силы и вялого экономического роста.

Таким образом, хотя новая ориентация в политике привела к успешному демонтажу предыдущего режима, она не смогла обеспечить альтернативных условий для процветания. Еще бóльшую тревогу, с точки зрения будущих перспектив, вызывает утрата самостоятельности в политике как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровнях, а также сужение пространства для маневра в политике. Для переосмысления возможных вариантов требуется честная оценка эволюции экономики за последние два десятилетия и более успешного опыта в деле индустриализации и развития. Для этого необходимо также отказаться от обобщающих подходов, с тем чтобы можно было учесть разнообразие условий и проблем, стоящих перед развивающимся миром.

Поскольку многое будет зависеть от реализации странами собственного потенциала роста, чтобы подкрепить наращивание инвестиций и модернизацию, необходимо будет расширить спектр

более стратегических мер политики. Это потребует проведения активной политики, особенно в таких вопросах, как поддержка промышленности, технологический прогресс и общая инфраструктура, и все это - с учетом специфических условий в соответствующих странах.

Во многих случаях для преодоления трудностей в области платежных балансов потребуются уменьшить зависимость от иностранного капитала и сделать акцент на усилении взаимосвязей между инвестициями и экспортом. А это означает более активную позицию в вопросах торговли и инвестиций, при формировании которой необходимо будет учитывать реальности современной торговой системы. В своих ожиданиях относительно того, что может быть достигнуто благодаря ПИИ в нынешних условиях, необходимо быть более реалистичными. Нужно изыскать пути для увеличения вклада ПИИ в технологию, производительность и экспорт. Это потребует пересмотра принципиального подхода к ПИИ и извлечения уроков из более успешного опыта.

Чтобы реально вырваться из этого порочного круга низких и нестабильных показателей инвестиций и экономического роста, высоких процентных ставок и увеличения задолженности, скорее всего потребуются предпринять непосредственные действия по уменьшению бремени обслуживания задолженности. В самом крайнем случае с погашением последних из "облигаций Брейди" в срочном порядке потребуются выработка новых подходов к решению проблемы непогашенной задолженности, включая проведение переговоров по пересмотру процентных ставок до уровней, более близких к реальной отдаче, которая может быть получена от инвестиций, и сокращение внутренней и внешней задолженности до уровней, которые не ставят под угрозу цели быстрого и устойчивого роста и сокращения масштабов нищеты в соответствии с согласованными на международном уровне обязательствами.

Рубенс Рикуперу
Генеральный секретарь ЮНКТАД
